

Галина Антоновна Адасинская

Второе интервью. Запись 07.03.05, интервьюер Татьяна Косинова.

Ваш отец считал себя эсером? Он был социалистом-революционером, да? Или это было как-то с партийностью папы? Как было, расскажите, пожалуйста.

Как было что?

Вот считал ли он себя членом партии социалистов-революционеров?

Нет.

Нет?

Нет. Он оказался участвовать в деятельности эсеров просто по-мальчишески. Ему было что-то там около 14 лет. Он какие-то получал от них... Ну как они называются...?

Листовки?

Листовки. Что-то такое распространял там... За что он был арестован. Ему было, по моему, 14 лет. Совсем мальчишка! И никогда он...

А потом, когда вот его арестовывали много раз при советской власти уже? Как эсера.

При советской власти как эсера?

Да.

В 1929 году его несколько раз арестовывали. И очень быстро освобождали. В общем, он не был партийным деятелем. Нет. Просто это случайные юношеские забавы.

Понятно. А мама? Мама она тоже была беспартийной?

Мама, да. Мама вообще никакого отношения не имела ко всему этому. Абсолютно никакого.

И даже вот по традиции семейной не сложилось этого с мамой? Она не стала членом никакой партии?

Нет. Нет, нет. Никакой партии. Нигде она ни в чем не участвовала никогда. Вообще совершенно такая беспартийная семья. Ни мама, ни папа... Дома у нас никогда разговоров на эту тему не было.

А как был устроен быт в вашей семье, когда вы уже стали жить в Ленинграде, в Петрограде, когда вы вернулись? Вы помните о том, как вы жили?

Откуда мы вернулись?

Из Германи.

А-а... Конечно, помню. Папа работал. Мама училась. Она всю жизнь училась. Когда мы жили в Берлине, она училась в Берлинском университете. Когда мы жили в Сибири, она училась в Томском университете. Когда мы приехали в Ленинград, она училась в Ленинградском политехническом институте. И всё это... Ничего не было доведено до конца. ... (неразборчиво) такое завершить и закончить... Но это ни к чему не привело. Вот. А как мы жили? Так и жили. Папа работал в тресте «Коммунснаб», тогда он был. Да. А мама училась и занималась хозяйством.

Она сама занималась хозяйством?

Да. Никого не было никогда. Никаких прислуг, ничего этого... Абсолютно. Очень хорошее окружение было. Очень интеллигентные друзья были, которые собирались у нас чуть ли не каждый вечер. Веселые, хорошие люди.

А мама любила готовить?

Нет.

Нет?

Нет. Готовила, конечно. Но равнодушна была к этому. У нас одно время жила папина мама. Бабушка. Чешка. Папа же у меня наполовину чех – наполовину поляк. И вот эта

чешка... Вот она любила готовить. Она всё готовила свои национальные какие-то блюда там... Всякие... Как они называются...? Сейчас уже не помню.

Ну, не важно. А мама не с удовольствием готовила, да? И вообще хозяйство ее тяготило как-то? Домашний быт?

Просто совершенно постольку-поскольку... проходило это. Нужно было – это делалось.

А вот на какие-то большие компании, которые у вас собирались, мама тоже сама готовила?

Ставилась... (Усмехается.) В середине стола ставился таз с винегретом... и народ с удовольствием этим утешался.

А вот как мама относилась к борьбе женщин за свои права? Она не была феминисткой?

О, господи! Конечно, нет. Боже! Какие права! Нет. Была аморфная компания. Не политическая?

Нет.

Не политизированная. Понятно. А вот все-таки? Восьмое марта отмечали?

Ну, что вы!

Нет?

Конечно, нет.

А вот вы чувствовали, что у вас в достатке дом или все-таки вы бедствовали?

Мы не бедствовали. И не были в достатке. Очень скромно жили. У папы был очень небольшой оклад. Что-то такое..., я уже забыла... 600 рублей, по-моему. Жили очень скромно. Очень скромно. Долги вечные были.

А если сравнить с вашими соседями в Доме политкаторжан или где-то там, где вы жили сначала на Васильевском, то вы как-то выделитесь или были такие же как все?

Конечно, такие как все. Такие же скромные.

А скромность эта была близка к аскетизму? Или просто скромность была вынужденной?

Вынужденной, конечно. Просто вынужденная.

А вы говорили, что папа любил сам делать ремонт, и что он любил красить стены в разные цвета?

Это, да. Это просто... Как это сказать... Из любви к искусству. Он любил.

А дом вы как-то украшали, вот, кроме того, что папа привозил всякие растения? Или что он привозил? Что вы находили там, где-то за городом выращивали? Это у вас росло на балконе, наверное, да?

Да. Среди наших друзей был художник. Акишин. Леонид Ильич. Портретист. Его работы есть в Русском музее. И вот его работы были у нас в доме. Был чудный портрет. Тихонов. Это был... В общем... Это руководитель лаборатории консервации и... чего-то еще... документов... Это был профессор Тихонов, руководитель лаборатории консервации и чего-то еще... документов. И вот его портрет работы вот этого Акишина был у нас. Прекрасный, хороший портрет. Потом был очень хороший портрет... Был такой Грабач. Леонид Грабач. Он писатель был. Вот. И портрет работы вот... Леонида Ильича тоже висел у нас на стенке. Мамин портрет великолепный был. На ... (неразборчиво) Кто-то приложил к этому руку.

То есть всё это исчезло, да?

... (без ответа, кивает)

А папа маму фотографировал? Вот вы говорили, что он был хорошим фотографом. Даже ездил в экспедицию как фотограф.

Да.

Вас и маму он фотографировал?

Были какие-то фотографии...

А эти картины покупали? Или этот художник Аникишин вам дарил их?

Конечно, дарил.

А кроме Аникишина еще какие-то картины были?

У нас дома? Нет.

А у вас были какие-то обязанности по дому?

У меня? Конечно. Я приходила из школы и подметала. Потом мама после меня с мебели пыль вытирала. А первое задание это была моя обязанность.

А ваш брат? Он что-нибудь должен был делать?

Нет. Он был разбойник! Приходил и швырял в один угол портфель, в другой угол еще что-нибудь..., и угонялся на улицу гулять. Он был легкомысленный мальчик! Но трагически его жизнь сложилась... Не хочется это вспоминать...

А мебель какая была, вы не помните?

Мебель была у нас дубовая. Абсолютно никаких красот не было. Добротный стол, квадратный в середине был. Диван был. Диван он просто такой... В общем такая простая-простая добротная мебель, но тем не менее, когда нам компенсировали наши убытки, я перечисляла: стол, четыре стула, диван, два кожаных стула, помню, писала, ковер, который покрывал диван и переходил со стены на пол. Ковер был. За это нам заплатили какую-то компенсацию. Не помню... Две тысячи рублей... Что-то такое... В общем, мы очень скромно жили. Очень скромно.

А ковер вы купили уже в Ленинграде?

А?

Ковер вы купили в Ленинграде, да?

Да. Это был магазин... Как он назывался...? Магазин церковной утвари. Был такой. И там по дешевке продавали ковры какие-то, покрывала, церковные вещи, которые в то время не ценились совершенно. И можно было дешево купить. У нас было как раз вот такое... Мы были к этому очень равнодушны. Ко всяким этим изыскам... А что у нас еще было...? Продавалось, дешево продавалось... Ну, какие-то не классифицированные эрмитажные работы всякие. Просто какие-то... Чьи-то изображение, какие-то куски картин. Они не были идентифицированы. И поэтому их очень дешево Эрмитаж продавал. И вот это у нас было дома. Чудные... Я помню был портрет женщины молодой в восточном таком убранстве... И мы сами назвали ее «Суламифь с решетом». Эта женщина, она держала в руках действительно какое-то решето, какие-то оттуда выглядывали вроде бы ягоды... И красивое лицо, восточное. Явно еврейское такое. И вот «Суламифь с решетом». Вот это была у нас красивая картина. Потом была очень красивая... Это на широкой стороне стены был виден кусок моря, стояло две фигуры – мужская и ... (телефонный звонок) ... Это – школьная подружка, дочка старосты общества политкаторжан, который очень удачно, во время умер, в 1934 году, поэтому не было никаких расхождений. И вот она живет в Москве. Она старше меня почти на год. Звонит, поздравляет.

Она не пострадала никак? Не была репрессирована?

А?

Не была репрессирована?

Нет.

А как ее зовут?

Татьяна. Фамилия... (так и не вспомнила. Вероятно. Эта Татьяна многое может помнить)

И вот, что вторая картина? Вы начали ее описывать.

Две фигуры. И мужская фигура, такой торс мужской, полуобнаженный. Стоит с вытянутой рукой, и по этой вытянутой руке струится прядь женских волос. Светлых.

И как-то так красиво... И, собственно, женщину мы не видим, а только вот эту ее прядь волос на его руке. Его спина... И какие-то там внизу ракушки... Мы видим, что это море, и вот стоит этот обнаженный человек и где-то рядом с ним женщина. Это такое солнечное... Такое нарядное! Так что были у нас картины.

А кто их покупал? Чья это была инициатива?

Папа. Это он... любитель был. Стоило очень дешево.

Папа был эстетом?

Почему эстетом? Просто человек, который любил красивые..., даже не то, что красивые, а просто любил нарядные вещи такие.

А в одежде он тоже как-то выделялся, ваш папа?

У папы было два костюма. Был коричневый зимний и серый летний. И всё. Он приходил с работы. Снимал с себя этот коричневый костюм, вешал на спинку стула. Обходил, смотрел на него, говорил: - Боже мой! Это в какой я рвани хожу! А потом снова... встряхивал, одевал... У него была такая легкая фигура, подвижная, что не было ощущения, что он бедно одет. А мама сама себе шила. Она хорошая была портниха. Сама себе шила. И она очень интересная женщина была и поэтому ее платья были очень нарядные.

А вам она тоже шила?

Наверное.

А какие у вас моральные принципы были в семье? Какими людьми вы должны были вырастать в идеале?

Хорошими!

Какие качества ценились в людях?

Какие качества? Во-первых, отзывчивость и бескорыстие. У нас никто никому не завидовал, не поощрял никаких там... И доброта. Доброта. Папа был очень добрый человек. Про него говорили: - У Адашинского нет врагов. От него исходило такое излучение доброты такой. Мой Антошка похож на моего папу.

А папа с мамой любили друг друга? Это ощущалось у вас в семье?

Наверное. Скандалов у нас в доме не было никогда. Спокойная обстановка. И книги. Книги разные. У нас было много книг. И мы несколько раз теряли свои книги. Первый раз, когда нас выслали из Ленинграда. Мы запихали... Ничего не смогли с собой взять, только книги. Несколько ящиков книг, самых наших любимых и дорогих. Вот. Потом, когда нас снова загнали куда-то, снова книги пропадали. В общем, теряли мы много книг, и об этом я жалела всегда больше чем о каких-то наших тряпках... Все-таки книги было жалко. Потому что я понимала, что мы их не восстановим.

А для родителей было важно, чтобы вы хорошо учились?

Это было само собой разумеющимся.

Но они следили за вашими успехами в учебе?

Ну, во всяком случае, в школу меня не вызывали.

А вы их часто видели? Или отец много работал, вы его видели только поздно вечером?

Да, я его видела мало. Но зато все выходные дни... Мы с ним за город часто ездили. Вот я сейчас вспоминаю, и не могу вспомнить... Мы с ним были как-то равнодушны к театру... К музыке, к концертам. Это мы в филармонию, это мы очень часто участвовали в этих концертах. А вот к театру были равнодушны.

А все вместе ходили в филармонию? С мамой тоже? Или только с папой?

Чаще с папой. Этот самый художник, Леонид Ильич. Акишин. У нас был знакомый искусствовед. Грузин по национальности он. Ярослав Петрович такой. И он... Мама себе сшила платье. Красивое такое. Темно-синий материал такой, однотонный. И Леонид Ильич написал для этого платья рисунок грузинский. Вы знаете грузинский

шрифт? Представляете себе? Красивый такой, крючки... Написал маме... Расписал платье этим вот грузинским шрифтом. Мама вышила. Это было очень нарядно. На темно-синем такая нитка... И мама пару раз сходила в этом платье в театр. Потом пришла домой и стала мне: - Черт его знает! Что Леонид, что Ярослав, они могли просто нахулиганничать и написать текст на грузинском языке, но что-нибудь неприличное! Я же не могу прочитать! И может быть, вокруг меня ходят люди, которые знают грузинский язык и диву даются, что вроде приличная женщина и носит на себе грузинскую матерную ругань. Так вот! Вообще писал он мало... Вот этот Ярослав Петрович погиб... в 1937. А Акишин попал в ссылку. Он был хороший художник, у него были очень большие такие заказы интересные... И вот у него был большой заказ, дорогой. Он писал портрет Сталина. Причем этот портрет был такой, парадный. Для Политехнического института. Для парадного входа в Политехнический институт. Сталин на шагу... Так это шагает... И вот, в общем, это был очень дорогой заказ. Он хорошо на нем заработал. И этот портрет должен был висеть на парадном входе в Политехнический институт. А эти портреты такие, их принимала правительственная комиссия. И вот этот портрет комиссия стала принимать и не понравилось. Там слишком подчеркнуты были национальные черты. Он же вождь всех народов! А тут вдруг стало видно, что это грузин. И в общем портрет повесили не на парадном входе, а где-то сбоку, но тоже на видном месте таком. Акишин был страшно этим оскорблен. Он был пьяницей, как все художники. И выпив, он сидел и орал: - Сталина не так повесили! Не так Сталина повесили! И за эти его слова его отправили в ссылку в Казахстан. Но ничего не сделали с ним дурного. И он вернулся в Ленинград уже больной совершенно, старый. Но за «Сталина не так повесили» он ответил. Вот такие дела.

А для родителей было важно, чтобы вы вступили в пионеры и чтобы вы стали комсомолкой?

Это как-то само собой тогда делалось.

А не было у вас такого ощущения, что дома вы чувствовали себе свободнее, чем, например, в школе?

... (без ответа)

Разницы по открытости, по степени открытости не было между школой и домом?

Нет. Когда арестовали папу... Это было 12 февраля 38-го года. Я тут же подала заявление в комсомольскую организацию: «Прошу разобрать». Назначили общешкольное собрание комсомольское. Приехал какой-то деятель из райкома... И начинает... Ведет, ведет... - Ты тоже пойдешь по преступному пути своего отца? Я сказала, что никто еще не сказал, что мой отец преступник... Вот. И кто-то встал из ребят из моего класса и сказал, обращаясь к этому райкомовскому деятелю: - Если Адашинскую исключат из комсомола, мы все уйдем из комсомола. Этот фрукт вскочил, красный как помидор: - Это что такое?! Отсутствие бдительности! В общем, такой переполох! Но факт тот, что меня не исключили из комсомола. Не исключили. И когда меня арестовали, следователь не верила своим глазам, держа в руках мой комсомольский билет.

А брат был пионером в это время?

Брат? Да.

А его не исключали из пионеров, не помните?

... (без ответа)

А бывало такое, что папа или мама были чем-то огорчены из-за вашего поведения?

Что-нибудь вы не так сделали? Что их могло раздосадовать?

Что могло раздосадовать...? Не знаю. ... (неразборчиво)

А у вас у каждого были свои комнаты?

Да. У брата, центральная родителей и моя. Когда пришли арестовывать папу... В комнату брата не заходили даже. Покопались только в книгах. В мою комнату не зашли даже. Не открыли дверь. Только я слышу за дверью папа говорит: - Разрешите попрощаться с дочерью. – Пожалуйста. Папа зашел, взял меня и сказал: - Галюшка! Ты во мне не сомневайся. Я в нем всю жизнь не сомневаюсь. Все-таки вы посмотрите там у себя в «Мемориале», у Иофе, у него же фотографии, у него же масса моих всяких материалов. Вы смотрели там?

Я смотрела. Но там только очень короткое интервью с вами, записанное им от руки, даже не на диктофоне.

А вот партийность ваших соседей, например, как-то ощущалась в Доме политкаторжан?

Что?

Партийность. То, что эти люди были членами партии. Партийность, как-то она ощущалась?

А-а?

Ну, например, говорили, что «так не принято у политкаторжан»? Было такое?

... Нет. Такого не помню... *(резко)*

А чем-то эти люди отличались?

Какие люди?

Политкаторжане.

От кого они должны отличаться? *(с раздражением)*

От других советских людей.

... *(вздыхает)* Вы не прочитали эту книгу?

Угу.

Где-то у вас в «Мемориале» она, наверное, есть.

Возможно. Но я ее не видела.

А?

Я ее пока не видела. Галина Антоновна, у вас был музыкальный инструмент какой-нибудь дома?

– Да, был. Рояль.

А когда он у вас появился?

- В 30-е годы. Он нам достался от наших друзей, которых отправили в ссылку.

Ломагиных. *(Имени отчества не помнила)*. Инженер. Дважды лауреат Сталинской премии. Их было три брата. Все погибли.

А кто играл на рояле?

- Я играла.

А из родителей кто-нибудь играл?

- Играл отец. Одним пальцем. Всё одним пальцем – от Бетховена до «чижика-пыжика». *(Конец записи. Г.А. стала сильно кашлять и сославшись на усталость закончила интервью)*